

два уровня профессионального образования. Такое институциональное образование даст полезный синергический эффект для потребителей, предприятий и региона. В то же время, расширенное воспроизводство кластерных инноваций предопределяет необходимость воспроизводства соответствующих знаний. Встает вопрос о формировании методического капитала как системного фактора инновационного развития кластера. Можно выделить следующие характеристики методического капитала инновационно-ёмкого кластера:

- Представлен системой неявных и явных специфических методических знаний;
- Собственниками являются непосредственные носители ценного знания;
- Поток специфических ценностей обеспечивает развитие методических навыков и компетенций у субъектов управления и исполнителей;
- Оценка результативности мероприятий является преимущественно экспертной, может определяться по конечному результату.

Нами разработана методика «Метод оценки качества услуг водного транспорта» (Свидетельство о регистрации электронного ресурса № 16369), позволяющая достаточно объективно оценить конкурентоспособность объектов хозяйственной деятельности. Кроме того, при проведении занятий по учебным дисциплинам «Управление инновационными процессами» и «Управление инновациями и инвестициями» используется методическая разработка, подробно представляющая технологию разработки инновационного проекта [4]. Расчет эффективности формирования кластера водного транспорта будет выполнен в рамках НИР «Экономические проблемы управления качеством продукции в Западно-Сибирском регионе» (регистрационный номер 01201180541).

Транспортный кластер как пример для Омского региона выбран далеко не случайно. Этот вариант может стать основой проекта по созданию Международного российско-казахстанского водно-автомобильно-железнодорожного транспортного коридора (МТК) «Омск-Павлодар» с привлечением ресурсов реки Иртыш. Омск для этого имеет реальные возможности и исторические перспективы.

Список литературы

1. Лаврикова Ю.Г. Кластеры как рыночный институт пространственного развития экономики региона: автореф. дис. ... д-ра эк. наук. – Екатеринбург, 2009. – 45 с.
2. Кластеры и кластерные стратегии: монография // В.В. Лизунов, А.А. Соловьев и др. – Омск: Омское книжное издательство, 2010. – 250 с.
3. Морской кластер группы компаний ОАО «Совкомфлот», ОАО «Новошип» / В.В. Устинов, С.И. Кондратьев, В.В. Попов, Г.А. Зеленков // Транспортное дело России. – 2012. – № 6 (ч. 2). – С. 212–215.
4. Соловьева О.И. Управление инновационными процессами: методические указания для самостоятельной подготовки инновационных проектов. – Омск: Омский институт водного транспорта (филиал) ФГОУ ВПО «НГАВТ», 2011. – 24 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Шутенко А.И., Оспищев П.И.

*Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, Белгород,
e-mail: avalonbel@mail.ru*

Проблемы высшей школы сегодня волнуют многих и находятся в эпицентре общественного сознания. Будущее страны и достойная жизнь граждан во многом зависит от того, каким будет высшее образование. Известно, что с самого начала своего зарождения высшая школа выступала как инновационный проект, направленный в будущее. Именно в стенах университетов и академий складывались прогрессивные идеи и стандарты, обеспечившие динамичный рост развитых стран. Между тем, на рубеже двух последних веков явно обозначился спад инновационной роли университетов [1]. Невиданная массовизация высшего образования, утрата универсальности подготовки привели к тому, что сегодня высшая школа превращается в очередную сервисную структуру на рынке образовательных услуг [2, 3].

По мнению ученых и мыслителей, кризис высшего образования есть отражение нарастающего системного кризиса современной цивилизации с ее потребительски-расточительным, утилитарным отношением к культуре и образованию в целом. На наш взгляд, основные угрозы высшей школе исходят из попыток навязать ей одномерные стандарты, упрощенные подходы к оценке своей идентичности и роли в современном мире, переполненном неоднозначностью и неопределенностью [4].

Именно в этом непредсказуемом мире от высшей школы требуется реализации ее прогностической функции и инновационного потенциала. В литературе существуют различные определения категории «инновационный потенциал». Одним из определений, содержащий на наш взгляд наиболее широкий смысл данного понятия, является трактовка инновационного потенциала как способности системы к реализации возможностей развития на основе инноваций. При этом эффективное использование инновационного потенциала делает возможным переход от скрытой возможности к явной реальности, то есть из одного состояния в другое (а именно, от традиционного к новому). Следовательно, инновационный потенциал – это своего рода характеристика способности системы к изменению, улучшению, прогрессу, способность генерировать и реализовывать возможности развития [5].

Рассматривая высшую школу как социокультурный институт, мы полагаем, что ее инновационный потенциал заключается в способности предложить обществу перспективный

цивилизационный проект, отвечающий задаче жизнеспособного развития социума и культуры в целом. И в этом смысле инновационный потенциал высшего образования составляет своеобразный геном самовоспроизводства культуры.

Обеспечение инновационного процесса в высшей школе требует понимания его как многомерного и многослойного культурного феномена. Этот процесс не может быть описан и определен в рамках одномерных схем, парадигм и концептов, пусть даже самых передовых и эвристичных. Опыт истории и научных исследований показывает, что высшая школа как инновационная структура развивалась в сочетании различных социокультурных измерений, которые в своей совокупности обеспечивали расширенный диапазон возможностей инновационной деятельности (что и отличало всегда высшую школу от средней и средне-специальной).

Богатая многовековая история высшей школы свидетельствует о том, что ее устойчивый инновационный потенциал поддерживается за счет одновременного сочетания и переплетения в ее конструкции различных измерений ее культурной идентичности (социоцентрическое, теоцентрическое, антропоцентрическое, профессиоцентрическое, сциентистское, идеологическое, экономическое) [6]. Причем ведущую роль в этой конструкции играет личностное измерение образовательной и научной деятельности [7].

Концепция образовательных измерений позволяет достаточно точно подходить к пониманию той сложной ситуации, в которой оказалась высшая школа в нашей стране [6]. Эта кризисная по своей сути ситуация обусловлена социокультурным переворотом в образовательной сфере, совершенным в постсоветский период, когда в короткий срок произошла замена разноименных полюсов-измерений вузовского процесса (с идеологического на экономическое) при ослаблении и даже отсечении других важных ориентаций (социоцентрической, сциентистской и др.).

Вызванный таким резким перепадом напряжений социокультурной доминанты институциональный вакуум привел к выбросу деструктивной энергии, имевшей разрушительные последствия в сфере высшего образования, отбросив страну на периферию цивилизационной шкалы развития в этой сфере. Как итог сегодня мы имеем дело с монополией экономического измерения в образовании, которое устанавливает сугубо коммерческие механизмы и законы функционирования высшего образования. Двигаясь по этим законам, высшая школа неуклонно превращается в некий образовательный супермаркет на рынке образовательных услуг и инновационных разработок.

Особенно явно эта тенденция проявилась на рубеже последних веков, когда экономическое измерение фактически вытеснило другие

походы к построению образования, как в нашей стране, так и в ведущих западных странах [1, 8].

Парадокс высшего образования сегодня заключается в том, что вследствие его коммерциализации и массовизации теперь не выпускники школ борются за вузы, а наоборот, притом, что вузы посредством ЕГЭ фактически лишены возможности отбора. Такой институциональный вывих есть логическое следствие навязанных высшей школе противоестественных ее назначению правил игры в примитивного поставщика «образовательных услуг» и «научных работ», самостоятельно выживающего на мифическом рынке «образовательных предложений» и «инновационных разработок». Однобокий формат услуг девальвирует ценность высшей школы до уровня временного пристанища молодых людей, невостребованных в полной мере культурой и обществом. В этом пристанище человек не развивается как личность, поскольку услуги не могут формировать, а могут лишь удовлетворять тех, кто их потребляет без критического осмысления и интеллектуального напряжения.

Психологически весь драматизм такой псевдо-образовательной ситуации состоит в том, что возрастная логика в студенческие годы жизни требует интенсивной и напряженной умственной деятельности, а обучение в формате услуги перестает быть трудным, перестает нагружать. В результате за время обучения в вузе у молодых людей образуется необратимый пробел в развитии, впоследствии практически невосполнимый. Человек теряет шанс полноценного развития не только в профессиональном, но и в умственном, личностном плане. Происходит деинтеллектуализация, оглушение молодежи и общества в целом [6].

В части научных работ в настоящий период кризисные явления в высшей школе и у нас, и за рубежом проявляются в преимущественном развитии прикладных исследований в ущерб фундаментальным. Негосударственными структурами фактически не финансируются фундаментальные исследования, тем самым вузы вынуждены ориентироваться на работы, дающие быстрый результат – прикладные исследования и разработки. Это, в свою очередь, оборачивается хронической задержкой в генерации новых знаний вузовской наукой и, в конечном счете, утратой ею роли инновационного фактора развития общества.

Кризис высшей школы на современном этапе есть логичное следствие монополии экономического измерения вузовской практики, ломающей универсальность культурной конструкции высшей школы (нацеленной исторически на вечные ценности) в угоду текущим требованиям рынка. Ориентируясь на рыночные ценности, высшая школа перестает открывать высоты научного познания, звать к совершенству, способствовать внутреннему нравственному росту.

Образование и знание, превратившись в товар, утрачивают свою сакральную, вневременную сущность, становясь предметами потребления в структурах, называемых сегодня университетами, академиями и пр. Как итог мы имеем кризис высшей школы, который охватил не только нашу страну, но и западный мир в целом, где его признаки проявились несколько раньше в силу закономерного утверждения доминанты экономического измерения в традициях западного капитализма [8].

Выход из данной ситуации видится в цивилизационной реконструкции высшей школы на основе расширения ее поликультурного статуса и развития ее основных *социокультурных* измерений с опорой на личностное начало образовательного и научного процессов.

Список литературы

1. Барнетт Р. Осмысление университета / По мат. инаугурационной профессорской лекции. Институт образова-

ния, Лондонский университет // Образование в современной культуре. Серия «Университет в перспективе развития». – Минск: Профили, 2001. – С. 97–114.

2. Бауман З. Индивидуализированное общество: пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 390 с.

3. Миссия, стратегические приоритеты, цели и задачи развития системы образования: монография / Е.А. Афанасьева, А.Р. Вышкина, В.В. Глебов и др. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. – 184 с.

4. Шутенко А.И., Шутенко Е.Н. Высшее образование как зеркало растворенной культуры // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2006. – № 11. – С. 9–12.

5. Экономический потенциал административных и производственных систем: монография / под общ. ред. О.Ф. Балацкого. – Сумы: ИТД «Университетская книга», 2006. – 973 с.

6. Шутенко А.И. Социокультурные измерения образовательного процесса в высшей школе // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2013. – № 7 – С. 36–40.

7. Ситаров В.А., Шутенко А.И. Содержание образования в контексте личностного измерения вузовской подготовки // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 4. – С. 234–241.

8. Roger L. Geiger. Knowledge and Money: Research Universities and the Paradox of the Marketplace. – Stanford University Press, 2004. – 336 p.

**«Инновационные медицинские технологии»,
Россия (Сочи), 26-30 сентября 2013 г.**

Медицинские науки

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
ЛЕЧЕНИЯ ХРОНИЧЕСКОЙ ВЕНОЗНОЙ
НЕДОСТАТОЧНОСТИ**

Ибрагимов С.В., Миролюбов А.Л.,
Нурмеев И.Н., Миролюбов Л.М., Нурмеева А.Р.

*Казанский медицинский университет, Казань,
e-mail: nurmееv@gmail.com*

Цель: обобщение опыта применения современных способов лечения ХВН. Материалы: 1200 пациентов (86,65% – женщины), 2010–2013 гг., в 6 г.б. и МедикалОнГрупп – Казань, ср. возраст 43±1,1 г. Чаще отмечали C₁ErAs и C₂ErAs (СЕАР). Лечение: 836 (консервативно 40,9%, инвазивно 59,1%). Флебэктомия и минифлебэктомия – 65 (13,16%), Nd:YAG лазер чрезкожно 21 (4,25%) и эндоваскулярно 33(6,68%). Результаты: улучшение во всех группах лечения. Выводы: современные технологии лечения ХВН эффективны и эстетичны, в амбулаторных условиях успешно конкурируют с традиционными способами лечения. Подготовлено в рамках гранта Президента РФ МД-809.2013.7.

**ЛАБОРАТОРНАЯ ДИАГНОСТИКА
ПОБОЧНЫХ ЭФФЕКТОВ МЕТАМИЗОЛА**

Корниенко О.А.

*Клиническая лаборатория МБУЗ «Центральная
городская больница», Пятигорск,
e-mail: clinfarmacologia@bk.ru*

Клиническая лабораторная диагностика жизнедеятельности организма при применении лекарственных препаратов [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9,

10, 11, 12, 13] позволяет решать вопросы дальнейшего приема лекарственных средств, коррекции дозировки и продолжительности курса лечения. Одна из быстрореагирующих систем организма на нежелательное воздействие препаратов является система кроветворения и показатели крови. В первую очередь эти показатели (общий анализ крови, время свертывание крови и др.) должны анализироваться при назначении препаратов, которые широко применяются в терапевтической практике и могут приобретаться населением без рецепта. К такой группе относятся жаропонижающие и нестероидные противовоспалительные средства, представители – это широко известные ацетилсалициловая кислота (аспирин) и метамизол (анальгин).

Цель исследования. Оценить связь изменения показателей кроветворной системы с применением метамизола.

Материал и методы исследования. Общий анализ крови; изучение показателей коагулограммы, полученными на стандартном коагулографе.

Результаты исследования. Клинический случай. Женщина применяла метамизол (анальгин) при зубной боли в течение 5 дней. Жалобы участковому врачу следующие: слабость, нарушение сна, кровоточивость десен, при небольшой физической нагрузке появление одышки. При анализе крови и коагулограммы выявили следующие отклонения от нормы. Количество эритроцитов уменьшилось на 30%; количество лейкоцитов на 25%; количество тромбоцитов на 55%. Время свертывания крови существенно